

Олег Лекманов
(Москва)

НИКОЛАЙ ОЛЕЙНИКОВ – РЕДАКТОР

В статье рассматривается редакторская деятельность поэта Николая Олейникова.

Ключевые слова: Детская литература, ОБЭРИУ, Николай Олейников.

The article discusses the editorial work of the poet Nikolay Oleynikov.

Key words: Children's literature, OBERIU, Nikolay Oleynikov.

Тема, вынесенная в заглавие этого сообщения – многоаспектна.

1. Можно, например, взглянуть на редактировавшиеся Олейниковым детские рассказы и стихи, как на копилку потенциальных подтекстов для его собственных взрослых стихотворений.

Прочитанный под таким углом, обратит на себя особое внимание, в частности, следующий крохотный фрагмент из рассказа Бориса Житкова «Микро-руки», без подписи автора опубликованного в седьмом номере «Ежа» за 1929 г.: «Я поймал таракана, я повалил его микро-руками, как свинью» [7, с. 11]. Этот фрагмент, без сомнения, послужил источником образности для изображающих жестокого вивисектора строк из знаменитого олейниковского «Таракана» (1934):

И, проткнувши, набок валит
Таракана, как свинью...

Отметим, что выявление подтекста из Житкова способно значительно скорректировать интерпретацию «Таракана». Именно это стихотворение усилиями исследователей превратилось в своего рода «гуманное» место олейниковской поэзии¹. «История мученика науки, как Олейников называ-

¹ Пользуемся формулой Б. М. Эйхенбаума. См.: [24, с. 55].

ет таракана, оказывается результатом методов и следствий уродливого и кровавого социального эксперимента, в котором таракан – объект бесчеловечного и псевдонаучного опыта организации общества» [12, с. 16]; «Сквозь искривленные маски, буффонаду, галантерейный язык с его духовным убожеством пробивалось очищенное от «тары» слово о любви и смерти, о жалости и жестокости» [5, с. 503]. Но ведь в «Микро-руках» роль протагониста выполняет отнюдь не насекомое, а ученый; тон деловито-нейтральный; пафоса «любви» или «жалости» к жертве нет и в помине; в частности, только что процитированный фрагмент продолжается так: «Затем я аккуратно потрошил и разглядывал его внутреннее устройство» [7, с. 11]. А далее жестокое любопытство ученого нарастает почти в геометрической прогрессии: «<Я> ворвусь в такую мелкоту жизни, которую только видели, но где еще никто не распоряжался своими руками <...> Я жил уже в другом мире, где все было иное: невиданный материал, невообразимые звери вроде тли, которой я на днях разможил глаз ударом молотка. <...> Мне нужно было поймать инфузорию-коллатку, чтобы из ее шкуры сделать перчатки <...> Я взял микро-руками приготовленную мной острогу в три крючковатых зуба и весь собрался, чтобы вовремя успеть вонзить мое оружие в эту резающуюся тварь, что носилась мимо, как птица в воздухе <...> Острога скользила, отскакивала, и наконец я набрался сил и уж в полной ярости саданул острой и на этот раз так ловко и сильно, что вертлявая тварь застряла на зубьях, вертелась, каналья, но уже поздно» [7, с. 11 – 14].

То есть, Олейников как редактор был вполне готов дать возможность автору встать не на сторону «мученика науки»-таракана, а на сторону вивисектора в его борьбе с копошащимися насекомыми.

2. Можно было бы сделать ход противоположного свойства и попытаться среди материалов, печатавшихся в детских журналах и альманах, выходявших под редакцией Олейникова, отыскать блестящие его «взрослого» остроумия.

Так, в первом выпуске сборника «Советские ребята» за 1926 г., было помещено короткое стихотворение «мальчика Василия Панова»:

Когда мне было лет двенадцать,
Я в школу поступил одну;
Когда мне стало лет тринадцать
Перевели меня в другу.
[14, с. 74]

Это четверостишие подозрительно напоминает следующий опус из тетрадошки Олейникова, в которую он еще с юности бережно заносил образцы графоманской поэзии:

Когда мне было лет семнадцать,
Любил я девочку одну,
Когда мне стало лет под двадцать,
Я прислонил к себе другу¹.

Видимо, Олейников получил особое удовольствие от того иронического эффекта, который возник при наложении рифмовки и интонации жестокого романса на стилизацию детской стенгазеты.

В этом же выпуске альманаха его редактор разместил свою издательскую короткую переписку с незадачливым взрослым читателем Николаем Петровичем Телегиным: «Телегин придумал для нас несколько шарад. Вот одна из них: «Мое первое – от, / А второе – ряд, / Мое целое вот: / Отряд». Мы для Телегина тоже придумали шараду. Вот она: «Мое первое – не, / А второе – напечатаем, / Мое целое вот: // Не напечатаем»».

3. Но нас сегодня будут интересовать (в первую очередь) главные цели, которые преследовал Николай Олейников в качестве редактора и идеолога детских изданий, и (во вторую очередь) пути, которыми он следовал к этим целям.

Напомним, что Олейников приехал в Ленинград из Бахмута в 1925 г. и очень быстро оказался в орбите Самуила Яковлевича Маршака, как раз в это время вместе со своими ближайшими соратниками (Борисом Житковым, Виталием Бианки и М. Ильиным) приступившего к строительству новой советской литературы для детей.

Во вступительной коллективной заметке к первому номеру журнала «Воробей», издававшемуся это группой, деклариру-

¹ Четверостишие приводится в мемуарах об Олейникове, написанных Николаем Чуковским: [20, с. 255].

ется: «Каждый вдумчивый педагог, каждый родитель знает по опыту, что перед ним совершенно новый ребенок, к которому нельзя подходить с теми методами и приемами воспитания, которые применялись к тому же возрасту детей в период довоенный. Знает об этом литератор и художник. Для них ясно, что волшебною сказкою, феями, эльфами и королями не заинтересуешь современного ребенка. Ему нужна другая литература – литература реалистическая, литература, черпающая свой источник из жизни, зовущая к жизни» [2, с. 4].

Соответственно, Житков, М. Ильин и Бианки вместе с их вдохновителем Маршаком предприняли форсированную и во многом удавшуюся попытку (в полном соответствии с концепцией Ю. Н. Тынянова) переместить детскую словесность с глубокой периферии в самый центр «литературного сегодня», сделать ее живым «литературным фактом». Старой, «сиропной» литературе для детей они противопоставили новую, главными козырями которой стали: предельная лаконичность, занимательность (ударное место, «фокус» в каждом тексте), а также информативность, полезность всех материалов, противопоставленная сугубой литературности даже лучших из предшествующих журналов и книг для детей. «Предмет (или человек) должен быть описан как впервые увиденный – а не назван с отсылкой ко всем известному», – так формулирует один из принципов строившейся Маршаком литературы пронизательная современная исследовательница [18, с. 405]. «Стиль схемы», – вот определение, которым, вслед за Б. Я. Бухштабом, воспользовался М. Л. Гаспаров, говоря о поэтике детских стихов Маршака и прозы представителей его школы [4, с. 417].

Понятно, что Олейников с его опытом газетного репортера, да и просто с очень богатым для двадцатисемилетнего человека жизненным и профессиональным багажом, вписался в команду Маршака идеально. Однако очень скоро, как это почти всегда бывает с компанией творческих амбициозных людей, делающих общее дело, первоначальная идиллия дала непоправимую трещину. Вспоминает Евгений Шварц: «Начав со страстного увлечения Маршаком – «что будет, если он умрет», – сказал» Олейников «однажды в ужасе в первые месяцы нашей совместной работы, когда Маршак захворал, – он вскоре отрезвел, и взял того, кого только что так любил, под подозрение» [23, с. 65].

В чем именно Олейников стал «подозревать» Маршака? Шварц отвечает на этот вопрос коротко, не вдаваясь в подробности: «То, что делал Маршак, казалось Олейникову подделкой, эрзацем» [22, с. 240]. «Самуил Яковлевич питается сырыми куриными кишками», – так Олейников глумился над вкусами (надо думать, не только гастрономическими) Маршака в разговоре с Николаем Харджиевым [16, с. 57].

О более конкретных причинах тогдашнего раздражения Олейникова (и примкнувшего к нему Бориса Житкова) против Маршака мы можем судить по житковскому письму к Елизавете Бахаревой от 25 ноября 1927 г. Автор «Багажа» и «Почты» обвиняется в этом письме в капризности, в любви к дешевой славе, а, главное, в склонности к дидактике, снижающей литературное качество текста, в том, что Олейников впоследствии саркастически назовет педагогическим «катехизисом» [11, с. 3]. «Мы тут учредили Ассоциацию детских писателей при Доме Печати, – сообщал Житков своей корреспондентке. – Начали дело мы с Колькой Олейниковым. Хотим вырабатывать новую детскую. Мне вся детская литература недетской кажется. Не по тем путям ассоциаций идет книжная мысль, что у детей <...> Это дело мы затеяли без Маршака. Беда Маршака в том, что он всюду хочет быть первым и единственным, и всякий визит обращается в его юбилей <...> Поэтому его приглашать можно только митрополитом. А я и Колька – другой веры. Приглашаем молодого поэта Хармса, Женьку Шварца и художников Пахомова и Соколова. Поглядим, что из этого выйдет: выработаем хоть одну действительно детскую книгу. Мы откидываем всякую мораль, всякую педагогическую задачу. Как для взрослых: неужели все время пишется учительная повесть. Захлестывают и заворачивают такое, что ну! И ничего. Никто не стонет. Мы не собираемся развращать детей, но толочь им в нос и затылок, что надо умываться и не хорошо рвать книг – как бы это ни было восхитительно написано – давно пора бросить или отправить на Риджен-стрит» [17, с. 15].

Итак, Олейников и Житков мечтали перенести акцент с «полезности» текста для читателя-ребенка на его «детскость» («не по тем путям ассоциаций идет книжная мысль, что у детей»). На практике это вылилось в многократное усиление игровой стихии текста, в ведение в нем игры ради наслаждения игрой, не отягощенное никакими, сколь угодно, «благородными», педагогическими задачами.

Стремление освободить детскую литературу от дидактики, настойчиво насаждавшейся не только в дореволюционную эпоху, но и в пореволюционное время, не только «старыми» детскими писателями, но и группой Маршака, спровоцировало Олейникова сделать самый главный и оказавшийся удачным тактический ход в его редакторской карьере. По свидетельству Игоря Бахтерева, «именно Олейникову» «ранней весной 1927 года» пришла в голову счастливая мысль предложить «написать что-нибудь для детей» группе молодых поэтов-авангардистов (Хармсу, Введенскому, Заболоцкому и самому Бахтереву). «Это предложение горячо поддержал Шварц, а затем – литературный консультант отдела Госиздата Самуил Яковлевич Маршак» [1, с. 154].

Характерно, что Маршак, вспоминая многие годы спустя свое сотрудничество с обэриутами, не удержался от педагогической терминологии. «Требовалось их дисциплинировать, чтобы причуды приняли определенную форму», – писал он [10, с. 177]. Не только от пресса советской идеологической машины, но и от пресса «дидактического» воздействия Маршака стремился оградить своих ставленников и единомышленников обэриутов редактор Николай Олейников. Это, само собой, вело его к постоянным конфликтам с властолюбивым, желающим контролировать все и вся литературным консультантом отдела Госиздата. «Теперь у Маршака много неприятностей, – 11 февраля 1929 г. злорадно записал в дневнике Корней Чуковский. – Ушел из-за него Олейников, проведенный им в редакторы «Ежа». Олейников, донской казак, ленивый и упрямый, очень талантливый, юморист по природе, был счастлив, когда дорвался до возможности строить журнал без М<аршака>. Он сразу пригласил художников не лебедевской партии, ввел туда свой стиль – и работа закипела. Но М<аршак> «вмешался» – и О<лейников> подал в отставку» [19, с. 467].

4. Но когда этого требовали интересы дела, Олейников-редактор был вполне способен пойти на компромисс со своим некогда обожаемым, а теперь чуть ли не презируемым шефом. Хорошей иллюстрацией может послужить тактика, избранная Олейниковым в конце того же, 1929 г., во время так называемой «дискуссии о детской литературе».

Как известно, конец лета – осень этого года ознаменовались для участников тогдашней литературной жизни печально известной «дискуссией» о Пильняке и Замятине», положившей начало коренной перестройке советских писательских организаций. 26 августа «Литературная газета» напечатала большую статью известного партийного деятеля Бориса Волина «Недопустимые явления». В этой статье руководителям Московского и Ленинградского отделений Всероссийского Союза писателей – Борису Пильняку и Евгению Замятину инкриминировалось сотрудничество с заграничными «белоэмигрантскими» изданиями. Затем к шельмованию Пильняка, Замятина и других писателей-«попутчиков» быстро и слаженно присоединились «Правда» и «Известия». Часть оппозиционно настроенных поэтов и прозаиков (Пастернак, Ахматова, Булгаков) в знак протеста подала заявления о выходе из Союза. Однако в целом советские литераторы продемонстрировали абсолютную готовность к безоговорочному послушанию власти. К началу 1930 г. они были деморализованы настолько, что Сталин и его подручные, почти не опасаясь общественного мнения, могли приступить к формовке новой писательской организации как огромной и тщательно отлаженной пропагандистской машины с единым руководящим центром¹.

Нужно заметить, что представлять советскую литературу для детей конца 1920-х – начала 1930-х гг. не более чем филиалом советской литературы для взрослых было бы недопустимым и обидным упрощением. Довольно долго в детской литературе главенствовали куда более либеральные законы, чем во взрослой. Однако в конце 1929 г. ленинградским детским писателям, группировавшимся в ГИЗе, досталось почти так же сильно, как взрослым, причем прямая связь атаки на писателей для детей с кампанией против Пильняка и Замятина ясно осознавалась и хулителями, и хулимыми. «Если в области современной литературы мы имеем целый ряд крупных достижений, имеем кадры действительно пролетарских писателей, научились распознавать врага и бить Пильняков и Замятиных, – разглагольствовал в феврале 1930 г. некто А. Свердлов, – то в области детской книги картина диаметрально противоположна. Пролетарского детско-

¹ О деле Пильняка и Замятина см., прежде всего: [3].

го писателя, особенно для ребят младшего возраста, почти нет» [13, с. 54].

Стартовал разговор о положении дел в современной литературе «для ребят младшего возраста» вроде бы вполне мирно. 16 декабря 1929 г. на первой странице «Литературной газеты» появилась установочная статья С. Болотина и В. Смирновой «Детская книга в реконструктивный период». Некоторые из положений этой статьи были более чем очевидными или демагогическими, под некоторыми – с охотой подписался бы не только Маршак, но и Хармс с Введенским и Олейников с Житковым. Однако на второй странице номера за этот же день «Литературная газета» опубликовала хлесткий фельетон Д. Кальма «Против халтуры в детской литературе. «Куда нос его ведет?»», второй и третий пункты которого были специально посвящены «разоблачению» Маршака и близких к нему писателей¹.

Начинает Кальм усыпительно вежливо, за здравие: «С. Маршак принадлежит к числу крупнейших знатоков детской книги, он один из самых популярных детских писателей» [8, с. 2]². «Но кроме того, – спешит прибавить критик, – он заведует детским сектором Ленгиза и является единственным литературным консультантом отдела детской книги Гиза в Москве». Дальше обвинения начинают сыпаться как из рога изобилия: «То, что в Гизе много болтают – факт <...> Когда молодые писатели предлагают Гизу книгу на современную и социально-значимую тему, ее часто бракуют за якобы недостаточную художественность. В то же время Гиз не только не перестает наводнять рынок детской книги массовыми изданиями Чуковского, но издает и переиздает произведения многочисленных, но менее талантливых его подражателей. В Гизе выходят собрания сочинений К. Чуковского и С. Маршака. Гиз культивирует «бессмысленку». Гиз выпускает непонятные, нелепые, чудовищные вещи, вроде «Во-первых» Д. Хармса, которые ни по формальным признакам, ни тем более по своему содержанию ни в какой мере не приемлемы <...> Если Гиз далек от того, чтобы воспитывать материалистическое мировоззрение в детских ав-

¹ Ср. с важными соображениями в пионерской работе: [15, с. 125–138].

² Далее статья Кальма цитируется по этому источнику без указания номера страницы.

торах, то он по крайней мере должен заняться воспитанием его в наших детях».

Как и в случае с травлей Пильняка и Замятина, литераторы из партии охранителей попытались выступить единым фронтом. В 12 номере ортодоксального рапповского журнала «Октябрь» появилась грубая статья детского писателя Бориса Шатилова ««Еж»». Годом раньше, в седьмом номере «Ежа» он опубликовал рассказ «Джалиль-Непокупай». Больше Шатилову напечататься в этом журнале не удалось, и вот теперь у обиженного автора появился реальный шанс отомстить «высокомерным» ленинградским редакторам. Сделал он это так (приведем выразительную нарезку микрофрагментов из его статьи): «Писатели, и в особенности группа ленинградских писателей (Маршак, Чуковский и их сподвижники) провозгласили примат формы над содержанием. Аристократическую форму они противопоставили грубой демократии содержания, как нечто враждебное друг другу <...> Читатель – безусый или с усами – всегда мещанин, любитель дешевых эффектов. Следовательно, и покорять его надо такими же дешевыми мещанскими методами. Побольше таинственности («Таинственные следы», «Таинственное изобретение Ивана Топорышкина», «Таинственные фокусы таинственной тети Анюты»), побольше чудес бульварного тона («Чудеса на экране», «Чудо», «Чудесная доска», «Горячий снег», «Светящийся полицейский», «Львы на улице», «Страшный корабль»), побольше приключений храбрых («Путешествия храброго Ван-Гугена», «Приключения храброго Фридриха Фрея», «Удивительные приключения Макара Свирепого», «Приключения врунов» и т. п.), побольше курьезов, «фантастики» Чуковского, побольше дешевой литературщины, – словом, надо пустить в ход весь арсенал бульварной журналистики, – и у читателя дух займется и глаза вылезут на лоб! <...> Маститым подпевают их поэтические отпрыски: Введенский и Хармс – эти близнецы детской литературы <...> Неужели Главсоцвос серьезно думает, что эти курьезы, эта библиотечная гниль – есть орудие классового воспитания?» [21, с. 184, 188, 189]. Отметим, что в пасквиле Шатилова, в отличие от фельетона Кальма, был лично задет в печати и Олейников – автор статьи ««Еж»» мимоходом обругал серию картинок с подписями «Приключения Макара Свирепого», которую курировал он.

Реакция советских поэтов и прозаиков на фельетон Д. Кальма (статья Шатилова была ими просто проигнорирована) ясно показывает, что детские писатели в 1929 г. были сплочены гораздо теснее, чем взрослые и что они отнюдь не собирались сдаваться без борьбы. На второй странице «Литературной газеты» от 30 декабря 1929 г. появилось несколько возмущенных коллективных писем-ответов Кальму, напечатанных под шапкой «За действительно советскую литературу!» Среди подписантов значились В. Бианки, В. Каверин, Ю. Тынянов, Б. Бухштаб, Д. Хармс, Н. Заболоцкий, Г. Белых, Л. Пантелеев, Б. Житков, Е. Шварц, А. Введенский, Н. Тихонов, К. Федин, М. Слонимский, М. Зощенко, Б. Пастернак и другие писатели. И хотя в этом же номере Кальм ответил оппонентам еще более резкими обвинениями в адрес Маршака и его группы, а рядом была напечатана развязная статья председателя комиссии по детской книге НКП РСФСР Е. Флериной «С ребенком надо говорить всерьез», констатировать безоговорочное поражение детских писателей из Гиза в борьбе с «Литературной газетой» и стоявшими за нею силами, не приходится. Главные бои были еще впереди.

Олейникова среди тех, кто напечатал протестные письма в «Литературной газете» мы не найдем. Но это не означает, что редактор «Ежа» в данном случае решил отмолчаться и на предъявленные Гизу обвинения не ответил. В шестом (декабрьском) номере журнала «Книга детям» за 1929 г. была опубликована программная и весьма пространная «Декларация ленинградской группы детских писателей коммунистов», которую помимо Олейникова подписали Георгий (Юрий) Дитрих, Вера Кетлинская и сотрудник «Ленинградской правды» Беленко.

Текст этой «Декларации» способен изрядно удивить всякого, кто не слишком закален чтением советской прессы конца 1920-х – 1930-х гг.

В отличие от Шварца, Тихонова, Федина и других писателей, выступивших в «Литературной газете», Олейников и его партийные товарищи решили не защищаться, а сами пошли в атаку, действуя на том же идеологическом, то есть с неизбежностью демагогическом поле, что и Кальм.

Они повели себя как опытные шахматисты, жертвующие одной фигурой ради сохранения другой, более, по их прикидкам, важной. Такой разменной фигурой для авторов

«Декларации» стал Корней Чуковский – потому, что он не был организатором литературного процесса. С выведения Чуковского и некоторых других, менее значительных прозаиков и поэтов из дружного ряда советских детских писателей декларация начинается: «Детская литература в опасности. Общее обострение классовой борьбы в стране отразилось и в детской литературе. Классовый враг пытается укрепиться и захватить детскую книгу в свои руки. В наступлении участвуют представители самых разнообразных течений. Здесь и резко выраженные буржуазные и мелкобуржуазные писатели, открыто ориентирующиеся на буржуазного ребенка (К. Чуковский, С. Федорченко, Н. Агнивцев, Гименс, Холодов, Мих. Андреев и др.), и приспособленцы всех цветов и оттенков» [6, с. 2]. Ближе к финалу декларации имя Чуковского возникает вновь и тоже в весьма негативном контексте: «Большой ошибкой Гиза была покупка у «Радуги» всей продукции К. Чуковского» [6, с. 5].

Складывается впечатление, что Олейникову и другим авторам «Декларации» было важно разорвать устойчивую для критических статей о ленинградских детских писателях связку «Чуковский – Маршак», а потом – непрямо, но отчетливо противопоставить одного поэта другому. Впрочем, говоря «поэта», я не совсем точен: Маршак брался под защиту Олейниковым, Дитрихом, Кетлинской и Беленко прежде всего не как поэт, а как глава детского отдела Гиза. Поэтому в тексте декларации он предстает не в реальной своей роли полноправного хозяина детской ленинградской литературы (так раздражавшей Олейникова), а в функции едва ли не рядового гизовского редактора: «Приспособленцы очень много места в своих нападках отводят одному из гизовских редакторов – С. Я. Маршаку. Прекрасно зная, что работа на детской книге ведется по директивам партийных организаций, приспособленцы намеренно игнорируют это обстоятельство и стремятся изобразить Маршака в виде диктатора и монополиста, захватившего в свои руки всю детскую литературу. На самом деле Маршак является лишь частью большого и сплоченного коллектива редакторов, включающего наряду с ним и партийных товарищей и представителей пролетарско-писательской организации» [6, с. 5].

Соответственно, и в отчете об успехах детского отдела Госиздата и «Ежа», который представлен в декларации, упор

сделан не на фигуре Маршака, а на коллективных усилиях его соратников и сотрудников, причем авторы этого текста вставляют в список подлинно советских детских писателей имена Александра Введенского и Николая Заболоцкого.

Напрямую о статье Кальма в «Литературной газете» речь заходит лишь в четырех финальных абзацах декларации, причем Олейников и его товарищи с легкостью разворачивают против критика его же собственное главное оружие. Эти абзацы густо насыщены зловеще гроыхающими газетными штампами эпохи. Мы встречаем в них и «справедливую отповедь», и «беспринципные наскоки», и «нездоровую атмосферу вокруг детской литературы», и «ложное впечатление о работе Гиза в широких общественных массах», и, наконец, неизбежный общий вывод: «Партийным организациям и советской общественности необходимо сказать здесь свое веское слово» [6, с. 6].

5. С легкостью идя на непринципиальные уступки, Олейников упорно гнул свою главную линию: он отстаивал необходимость присутствия в детской советской литературе игровых произведений обэриутов. «Если говорить по совести, то хороших детских книжек у нас не больше полутора десятка. Кого можно здесь назвать? Кроме бесспорных Маршака и Чуковского, я бы назвал Заболоцкого, Хармса, Введенского, да еще двух-трех поэтов из молодежи». Так Олейников оценивал творчество своих соратников в статье 1934 г. «На дошкольную тему», представлявшую собою ни больше, ни меньше как соразмышления к докладу Маршака на Первом съезде советских писателей [11, с. 3]. Напомню, что Хармс и Введенский к этому времени уже пережили арест и ссылку, а Заболоцкий подвергся сокрушительному разному за выпущенную им в 1929 г. книгу взрослых стихов «Столбцы».

Не отказался Олейников от решительной защиты своих соратников и в страшном 1936 г., выступая (3 апреля) на «дискуссии о формализме»: «Почему детское издательство не ведет работу с Хармсом <...> ? <...> То же самое можно сказать о Введенском <...> Почему Детгиз, заказывая ему Гримм, совершенно игнорирует его творческие возможности? <...> Почему Детгиз отказался от издания» детских стихотворений Заболоцкого, «и почему он игнорирует Заболоцкого как поэта? <...> Нужно прямо сказать, что прежнее руководство

ленинградской детской литературой немало потрудились для того, чтобы изгнать детских писателей из детской литературы» (цит. по: [9, с. 338–342]).

Впрочем, уже в составленной за восемь лет до этого, 31 января 1928 г., и до сих пор не публиковавшейся анонимной справке о работниках ленинградского отдела ГИЗа, об Олейникове, как о редакторе, говорится тоном если и не прокурорским, то уж точно – строгим, учительским: «Работает в Госиздате с ноября 1925 г. Детскую литературу знает, но не совсем крепко идеологически тверд. Иногда подпадает под влияние беспартийных специалистов. Нуждается в твердом идеологическом руководстве, каковое должно исходить от Главного редактора» [25, л.16].

О Маршаке в этой справке сказано совсем по-другому: «Взгляд его с точки зрения марксистской не всегда приемлемый, но он политически – чуткий» [25, л. 52].

Список литературы и источников

1. *Бахтерев И., Разумовский А.* О Николае Олейникове // День поэзии. Л., 1964.
2. Воробей. 1923. № 1.
3. *Галушкин А.* Дискуссия о Б. А. Пильняке и Е. И. Замятине в контексте литературной политики конца 1920-х – начала 1930-х гг.: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1997.
4. *Гаспаров М.* Маршак и время // Гаспаров М. О русской поэзии. Анализ, интерпретации, характеристики. СПб., 2001.
5. *Гинзбург Л.* Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб., 2002.
6. *Дитрих Ю., Олейников Н., Беленко, Кетлинская В.* Декларация ленинградской группы детских писателей-коммунистов // Книга детям. 1929. № 6. Дек.
7. [Житков Б.] Микро-руки // Еж. 1929. № 7.
8. *Кальм Д.* Против халтуры в детской литературе. «Куда нос его ведет?» // Литературная газета. 1929. 16 дек.
9. *Кобринский А.* Даниил Хармс и Николай Олейников на дискуссии о формализме 1936 года // Russian Studies. Ежеквартальник русской филологии и культуры. 1996 (1998). Vol. II. № 4.

10. *Маршак С.* Дом, увенчанный глобусом // Новый мир. 1968. № 9.
11. *Олейников Н.* На дошкольную тему // Литературный Ленинград. 1934. 27 авг.
12. *Полякова С.* «Олейников и об Олейникове» и другие работы по русской литературе. СПб., 1997.
13. *Свердлов А.* Против «старушек» и «крокодилов» // Юный коммунист. 1930. № 4. Февр.
14. Советские ребята. 1926. Вып. 1.
15. *Устинов А.* Дело Детского сектора Госиздата 1932 года (предварительная справка) // Михаил Кузмин и русская культура XX века. Л., 1990.
16. *Харджиев Н.* Из последних записей / Публ. М. Мейлаха // Studi e scritti in memoria di Marzio Marzaduri. Padova, 2002.
17. *Черненко Г.* «Я ему был рад так же, как и он мне» (Даниил Хармс в письмах Бориса Житкова) // Хармсиздат представляет: Советский эрос 1920-х – 1930-х годов. СПб., 1997.
18. *Чудакова М.* Москва – Петербург / Ленинград и русская беллетристика советского времени. Соображения к теме // The real life of Pierre Delalande. Studies in Russian and Comparative Literature to Honor Alexandr Dolinin. P. 2. Stanford, 2007.
19. *Чуковский К.* Дневник. 1901–1921. М., 1991.
20. *Чуковский Н.* Литературные воспоминания. М., 1989.
21. *Шатилов Б.* Еж // Октябрь. 1929. № 12.
22. *Шварц Е.* Живу беспокойно... (из дневников). Л., 1990.
23. *Шварц Е.* Житие сказочника. Из автобиографической прозы. Письма. Воспоминания о писателе. М., 1991.
24. *Эйхенбаум Б.* Как сделана «Шинель» Гоголя // Эйхенбаум Б. О поэзии. О прозе. Сб. статей. Л., 1986.
25. ЦГАЛИ СПб. Ф. 35. Оп. 3. Д. 97.